

Кирилл Васильевич Чистов (20 ноября 1919 — 29 октября 2007)

Для меня Кирилл Васильевич был и остается не только крупнейшим фольклористом и теоретиком культуры, но и одним из тех, кто определял настрой той эпохи, которая ушла вместе с ним. Без него невозможно представить интеллектуальный климат ленинградской жизни второй половины прошлого века. Не случайно не только мои сверстники, но и люди старшего поколения сверяли свои поступки и устремления с возможной реакцией на них Кирилла Васильевича. Это касалось, в первую очередь, того уровня поведения, на котором собственно научные и жизненные установки не различались, поскольку имели общее основание, определяемое таким понятием, как *порядочность*. В советские времена это понятие имело особый смысл, и быть ее носителем удавалось не каждому. Ее воплощением был для нас Кирилл Васильевич.

Имя Кирилла Васильевича я открыл для себя на втором курсе Тартуского университета. Гарик Суперфин, учившийся тогда курсом старше, спросил меня, купил ли я книгу Чистова «Социально-утопические легенды». Фольклор интересовал меня тогда не больше древнерусской литературы, но по тому, с какой интонацией был

задан вопрос, я понял, что эту книгу пропустить нельзя. С тех пор и не пропускал ни книг, ни статей Кирилла Васильевича, поскольку наряду с книгами В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, Б.Н. Путилова они стали для меня надежными ориентирами в фольклористике и этнографии, да и шире — в истории и теории культуры.

Собственно, именно этот круг работ определил мои дальнейшие интересы. После защиты дипломной работы, которая была посвящена свадебному обряду, Юрий Михайлович Лотман сказал: «А дальше учиться вам нужно у Кирилла Васильевича Чистова. Я сейчас напишу ему письмо». Мне повезло. Через полгода Кирилл Васильевич взял меня к себе в аспирантуру, и с тех пор я учился у него даже тогда, когда у меня появились свои ученики. Это вовсе не значит, что Кирилл Васильевич любил учить, а тем более поучать. Даже когда я совершал серьезные глупости, он обходился без поучений. Обычно в таких случаях Кирилл Васильевич рассказывал историю, на первый взгляд не имеющую ни малейшего отношения к делу. Этого было достаточно для того, чтобы посмотреть на ситуацию другими глазами.

На первой встрече (в сентябре 1972 г.) Кирилл Васильевич показался мне пожилым, усталым профессором, жизнь которого размеренно протекает среди книг и бумаг. Собственно, на тот день так оно, наверное, и было, но вообще его жизнь вряд ли можно назвать спокойной и размеренной, поскольку в ней были и война, и плен, и неустроенный послевоенный быт. Университет закончил накануне войны. Учился на филологическом факультете Ленинградского университета, где слушал лекции таких легендарных филологов, как Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум, В.Я. Пропп и др. Фольклористике обучался у Марка Константиновича Азадовского, которого считал учителем и к которому на всю жизнь сохранил любовь и привязанность. Учеба на филфаке не предполагала посещения курсов по этнографии, но было понятно, что без этнографии невозможно серьезно заниматься фольклором, тем более что лекции по этнографии читал Д.К. Зеленин. В аспирантуру поступил после войны, а затем на протяжении пятнадцати лет работал в Петрозаводске в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Здесь была завершена кандидатская диссертация «Народная поэтесса И.А. Федосова» (которую защитил в 1951 г.), здесь же стал заведующим сектором литературы и народного творчества и читал лекции в Петрозаводском педагогическом институте. Научные и человеческие связи с Петрозаводском не прерывались до последних дней.

Возвращение в Ленинград произошло в 1961 г., когда Кирилл Васильевич был приглашен возглавить отдел этнографии восточных славян Института этнографии АН СССР. С тех пор и до конца своей жизни Чистов работал в этом Институте, ленинградская часть которого была переименована в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера). Под его руководством отдел этнографии восточных славян превратился в мощный исследовательский центр, в котором работали такие замечательные этнографы и фольклористы, как Т.В. Станюкович, Н.В. Новиков, Б.Н. Путилов, Т.А. Бернштам и др. Причем отдел стал заниматься не только традиционной культурой (как все другие отделы института), но и современностью. Усилиями Кирилла Васильевича в нем была создана исследовательская группа (в которую входили

Н.В. Юхнева, Г.В. Старовойтова, М.Э. Коган), ориентированная на изучение современных этносоциальных процессов, что в 1970-е гг. было не только необычно, но и небезопасно. Молодежной культурой стала заниматься Т.Б. Щепанская, чью неординарность так ценил Кирилл Васильевич.

Кроме заведования отделом Чистов становится в 1980 г. главным редактором журнала «Советская этнография». Редакция журнала находилась в Москве, и ездить туда приходилось чуть ли не еженедельно. К этому нужно добавить, что Кирилл Васильевич в течение многих лет возглавлял Ученый совет института, координировал международный проект издания трехтомника, посвященного этнографии восточных, западных и южных славян, редактировал многочисленные сборники и монографии. Таков масштаб того, что на канцелярском языке называется научно-организационной деятельностью.

Но главным для Кирилла Васильевича всегда была собственно научная работа. Для любого фольклориста Карелия считается особым регионом, своего рода заповедником фольклора. Работая в Петрозаводске, Кирилл Васильевич не мог не обратиться к уникальному наследию местных носителей фольклорной традиции. Будучи верным продолжателем идей М.К. Азадовского, он никогда не считал фольклор безличным. Более того, фигура создателя фольклорного текста, его внутренний мир привлекали Кирилла Васильевича не меньше, чем сами фольклорные тексты. И не случайно его первое крупное исследование было посвящено личности И.А. Федосовой, от которой были записаны, пожалуй, наиболее яркие и значительные образцы причитаний.

Тогда же, в петрозаводский период, сформировался устойчивый интерес к этнографическим особенностям культуры Русского Севера. Причем в отличие от характерных для того времени поисков архаики Кирилл Васильевич настаивал на позднем формировании культуры этого региона и считал, что именно это обстоятельство определило необычайную продуктивность северно-русских форм культуры. По сути дела, он создал свою концепцию региональных особенностей культуры, которая сейчас стала общепринятой. Переезд в Ленинград не отделил Кирилла Васильевича от этой проблематики. Более того, одним из важнейших направлений исследований отдела становится изучение традиционной культуры Русского Севера, что нашло свое выражение в основании серии коллективных трудов под общим названием «Русский Север» и ряде монографий сотрудников отдела (прежде всего — Т.А. Бернштам).

После занятий причитаниями И. Федосовой кажется неожиданным обращение к такому специфическому явлению, как социально-утопические легенды, но только на первый взгляд. Интерес к социальной психологии, к истории коллективных идей формировался, видимо, как раз в ранних исследованиях. Книгу «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX веков» (1967) ждал настоящий успех. Она, безусловно, стала событием, и не только в фольклористике, но и в истории, этнографии, теории культуры. Не случайно рецензии на эту работу появились в журналах разного профиля. Пожалуй, впервые реально, а не декларативно к фольклорным нарративам был применен

комплексный подход, который дал впечатляющие результаты. Книга и сейчас воспринимается как уникальное явление в фольклористике, подтверждением чему служит ее недавнее переиздание (в существенно расширенном виде).

1970-е гг. ознаменовались не просто резким расширением исследовательской проблематики, но другим уровнем осмысления материала. А поскольку основным материалом для Кирилла Васильевича в эти годы стал не только фольклор, но и этнографические факты, то совсем не случайным видится интерес к характеру связей между фольклором и этнографией. В 1970 г. вышел первый из серии коллективных трудов, объединенных общим названием «Фольклор и этнография», который открывается программной статьей К.В. Чистова под тем же названием. Эти сборники составлялись по материалам одноименных конференций, каждая из которых становилась событием и для фольклористов, и для этнографов. Я, вероятно, не очень погрешу против истины, если скажу, что эти конференции и сборники знаменуют период расцвета советской фольклористики и этнографии. Намеченные пути обсуждения этой проблематики начали постепенно выходить за рамки эволюционистских и позитивистских схем. Усилиями К.В. Чистова, а затем Б.Н. Путилова с большей или меньшей регулярностью проводились конференции и выходили сборники до середины 1980-х гг.

В этом же направлении было осуществлено издание сборника статей, посвященного 100-летию со дня рождения Дмитрия Константиновича Зеленина, для которого фольклор и этнография никогда не существовали врозь (Проблемы славянской этнографии. Л., 1979). Кирилл Васильевич предложил мне быть соредактором этого сборника, что было для меня не только великой честью, но и настоящей школой внимательной и вдумчивой редакторской работы. Нужно сказать, что исследования Д.К. Зеленина всегда имели для К.В. Чистова особое значение, и много позже под его руководством был выполнен перевод фундаментального труда Д.К. Зеленина «Russische (Ostslavische) Volkskunde», который вышел под названием «Восточнославянская этнография» в 1991 г.

Обращение к теории фольклорных и этнографических фактов так или иначе предполагает рассмотрение категории *традиционного* и проявление ее роли в пространстве культуры. Этой проблематике Кирилл Васильевич посвятил ряд интереснейших работ, которые стали основой для нового поворота в исследовательской работе. Я имею в виду изучение этнических процессов, точнее, тех аспектов этих процессов, которые находили свое выражение в сфере духовной культуры. Это было совершенно новым направлением в работе института, и возглавил его К.В. Чистов. Итогом стал коллективный труд «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1975), удостоенный Государственной премии СССР в 1981 г. Кириллу Васильевичу принадлежит не только замысел всего исследования, но и реализация его основных разделов. Проблема межнациональных отношений стала основной для одной из самых талантливых его учениц — Галины Старовойтовой.

В 1980-е гг. продолжилась работа над международным проектом «Этнография славян», которая завершилась выходом тома «Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры» (1987) под общей

редакцией К.В. Чистова. Кстати, оказалось, что этот том стал единственной осуществленной частью проекта (предполагавшиеся тома по западным и южным славянам, которыми занимались польские и болгарские коллеги, так и не были завершены). Как всегда, участие Кирилла Васильевича не ограничивалось редакторской работой. Он является автором четырех и соавтором двух глав этого фундаментального свода данных о состоянии традиционной культуры русских, украинцев и белорусов.

В смутные 1990-е наша наука переживала тягостный период разброда и шатания. Шла тотальная переоценка сделанного. Как и можно было предполагать, не все авторитеты в области этнографии и фольклористики удержались на прежней высоте. Рассчитывать на внимание нового поколения могли лишь те, чьи идеи сохранили свою притягательность. Среди студентов и аспирантов имя Чистова входит в один ряд с такими блестящими исследователями, как В.Я. Пропп, Е.М. Мелетинский, Б.Н. Путилов.

Сам Кирилл Васильевич обратился в это время к изучению совершенно нового для российской фольклористики материала. Предметом его исследования стали письма на родину советских людей, угнанных во время войны 1941–1945 гг. в Германию. Точнее, речь идет о картотеке выписок из писем, которые проходили через руки цензора в течение нескольких месяцев 1943–1944 гг. (в ней содержится более 1300 карточек). Коллекция была обнаружена случайно, при ремонте в 1991 г. здания Архива немецкой народной песни во Фрайбурге. Судя по характеру выписок, ее составителем был человек, хорошо знавший славянские языки и сведущий в вопросах диалектологии, этнографии и фольклористики. Коллекция уцелела благодаря стечению счастливых случайностей, а увидела свет (и в России, и в Германии) благодаря самоотверженной работе Кирилла Васильевича и его жены Беллы Ефимовны Чистовой (филолога-германиста), которая почти шестьдесят лет была верным помощником Кирилла Васильевича и хранителем очага большой и дружной семьи Чистовых. Эта книга не только ввела в научный оборот уникальный материал, но и положила начало активному изучению письменного фольклора. Достаточно сказать, что сейчас письменный фольклор стал одним из наиболее притягательных объектов внимания фольклористов, историков, антропологов.

Последняя книга Кирилла Васильевича («Забывать и стыдиться нечего». СПб., 2006) — дань памяти родителям, брату Василию, всем, кому он обязан своим становлением (С.Я. Маршак, М.К. Азадовский, В.Я. Пропп, В.П. Адрианова-Перетц и др.), с кем был дружен (Л.А. Дмитриев, Е.А. Маймин, Д.С. Лихачев), кого вырастил и потерял (Г.В. Старовойтова). Итоги подведены. Действительно, забывать и стыдиться нечего. Так мог сказать в конце жизни счастливый человек.

Альберт Байбурин